

**Судьба всегда дает шанс!
Не верите? Читайте романы Олега Роя:**

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски

Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь

Фамильные ценности, или Возврату не подлежит

Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Галерея «Максим»

Дилогия «Белый квадрат»

Цветок сакуры
Захват судьбы

Дилогия «Страх»

И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Дилогия «Ловушка»

Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина

Скользящий странник

ОЛЕГ
РОЙ

Писатель и балерина

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Художественное оформление С. Груздева

Рой, Олег.
Р65   Писатель и балерина : роман / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с.

Марк Вайнштейн — автор популярных исторических детективов — не может жить без балета. И дело тут не только в том, что бабушка и мать у него балерины. Его поражает красота этого искусства: манящая и страшная одновременно. Делом жизни считает Марк создание романа о балете. И когда он видит на сцене Полину Ижорскую, а потом случайно встречает ее в кафе, понимает: вот она, героиня! Но почему-то этот хрупкий ангел вдохновляет его на написание жутких сцен убийств.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183037-3

© Резепкин О., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

*Потрясающей в своем таланте
и женской красоте
балерине Ольге Марченковой
посвящается*

Увертюра

■ ПРОЛОГ

— Ксюш, помоги! Опять у меня все куда-то девается!

Выйдя из кабинета, Марк длинно, до хруста потянулся, хотел было крикнуть еще раз, но дочь уже появилась в дверях своей комнаты — как в раме. Тонкая, легкая, высокая — он с высоты своих «дженртльменских» шести футов, не нагибаясь, целовал ее в самый верх лба, откуда росла смешная пушистая челка. Такая же, как у матери. И голову набок она склоняла точно как мать — чуть усмехаясь краешком безупречно очерченного рта.

— Что, шеф? Все пропало, гипс снимают, клиент уезжает? Высокие технологии атакуют из-за каждого угла?

Неистребимая ироничность — это тоже было от матери. Умение быть на «ты» с любой техникой — неизвестно откуда, видимо, от времени. Дитя двадцать первого века. Собственно, родилась-то Ксения еще в двадцатом, но уж больно хорошо это звучало — дитя двадцать первого века — вольно так, свободно и немножко таинственно, очень похоже на всю эту — чтоб ее! — технику. Компьютеры, телефоны, смартфоны, вакомы, айпады, стилусы какие-то и черт знает что еще.

Олег Рой

Для самого Марка компьютер был шайтан-машиной — абсолютно необходимой, но загадочной и не слишком дружелюбной. Ноутбук сам, по каким-то своим соображениям, рассовывал рабочие (а то еще и — о ужас! — готовые!) файлы неизвестно куда, терял почту или решал вдруг, что открытый файл — *read only*¹ и работать с ним — нельзя-нельзя-нельзя! Здрасьте, пожалуйста! А вчера можно было?! Шайтан-машина, вот как есть шайтан!

То ли дело — как в ненаглядном девятнадцатом веке, гусиным перышком по желтоватой (цвет старого кружева, экрю называется, очень вкусное слово, редкое, не затертое) шершавой бумаге. Медленно, сосредоточенно. Лист, другой, десятый. Перышко скрип-скрип, цепляется, тормозит, чернила брызгают, украшая мелкой черной сыпью и бумаги на столе, и сам стол, и нос пишущего. Свечной огонек потрескивает, дрожит и вдруг перепрыгивает на изукрашенные узорными строчками листы, радостно вспучает, взметывается, пляшет...

Ладно, бог с ними, с гусиными (или там — лебедиными, а то еще — павлиньими) перьями. А заодно и с паркерами и прочими «биками». От ручной писанины ныли предплечье и почему-то шея. Если приглядеться, то ничегошеньки романтического в «ручном» письме нет. Равно как и в печатных машинках.

На нижней полке кабинетного стеллажа в окружении Розенталя, полудюжины исторических справочников и растрепанного

---

¹ *Read only* — пометка, означающая, что файл может быть использован только для «чтения» (термин условный, поскольку к графическим файлам это тоже относится), изменения в него внести нельзя.

учебника по судебной медицине царил древний, с ятями и фитами, ундервуд. Угловатый, громоздкий, массивный настолько, что, казалось, двухдюймовая полка крахтит и постанывает под его тяжестью. Пытаясь проникнуться «духом времени» (нельзя же писать о том, чего не чувствуешь, то есть, может, кто-то так и умеет, но у него никогда не получалось, чтобы «чисто из головы»), Марк иногда подтаскивал к стеллажу стоявший в углу кабинета круглый «рояльный» табурет (переставить железного монстра на стол не было никакой возможности) и старательно печатал несколько строчек. Картинка при переводе строки издавала оглушительный треск, завершавшийся «трамвайным» звонком, круглые клавиши на лязгающих рычагах требовали таких усилий, что через полчаса «работы» запястья и плечи начинали нестерпимо ныть, словно он мешки грузил. Машинистка, говорят, была преимущественно дамской профессией. Ну-ну.

Впрочем, дело было, конечно, не в том, что работать на компьютере физически легче. Подумаешь, плечи ноют! Небось у каких-нибудь скульпторов еще и не так ноют. Беда была в другом: от руки или на машинке тексты выходили... хуже. Да, по правде сказать, вообще не выходили. Черт его знает почему. Стивен Кинг когда-то придумал форнита¹ — маленького эльфа, что живет в пишущей машинке и без которого сочинительство — ничто, пусть перевод бумаги. Его, Марка, форнит, чем бы и кем бы это мифическое существо ни было, селиться в пишущих машинках или авторучках отказывался наотрез, признавая, судя по всему,

---

¹ Стивен Кинг. Баллада о гибкой пule.

только компьютеры. Хотя управляться с шайтан-машиной не помогал.

Вот и приходилось звать на помошь дочь. У этих, нынешних, у нового поколения, умение справляться со всяческой электроникой, кажется, врожденное. А уж его Ксения обращается с искусственным разумом и вовсе виртуозно.

— Сейчас-сейчас, — бормотала она, сосредоточенно глядя в монитор ноутбука. — Не можешь — научим, не хочешь — заставим. И провериться никогда не вредно, полчища злобных вирусов бродят вокруг, мало ли... Нападут на нового Вяземского — и поминай как звали. Кстати, когда уже? — Она взглянула на отца через плечо, вопросительно вскинув брови.

Вяземским звался главный герой марковских книжек. Ксении он очень нравился. А еще больше ей нравилось быть первым читателем. И не просто читателем — тестировщиком.

— Да я ж тебе в процессе все читал, — улыбнулся Марк. Этот диалог с теми или иными вариациями повторялся вполне регулярно. Но повторяемость отнюдь не раздражала, напротив — умиротворяла и даже умиляла.

— Ну, в процессе... — показательно нахмурясь, протянула дочь. — По кусочку, по эпизоду. К тому же вслух. Хочется все целиком — и собственными глазами. Наверняка же я на слух что-то упустила. — Она заговорщики подмигнула.

— Неужто не надоело? — Марк с удовольствием «подал ре-плику», зная, что сейчас услышит приятное.

— Да ты что, пап?! — Ксения аж пальцем у виска покрутила. — Сам же говоришь, что я самый глазастый читатель. И во-